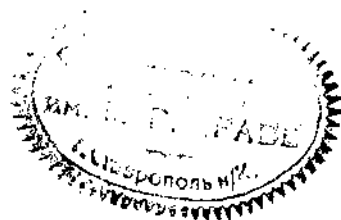

П. ДИВНАЯ.

ВЕРХОВЬЯ БОЛЬШОГО ЗЕМЛЮКА

И

ХРЕБЕТЪ АБИШИРА-АХУБА.

Т И Ф Л И С Ъ.

Типографія К. П. Козловскаго, Голов. пр., № 12.

1899.

Верховья Большого Зеленчука и хребет Абышира-Ахуба.

Вътомъ 1898 года я рѣшилъ побывать въ верховьяхъ Большого Зеленчука и особенно въ лѣсахъ, растущихъ въ этой мѣстности, кромѣ того осмотрѣть обстоятельно высокій хребетъ Абышира-Ахуба, идущій между Зеленчукомъ и Лабой, ознакомиться, насколько позволятъ обстоятельства, съ фауной этихъ мѣстъ и, наконецъ, окончательно разрѣшить вопросъ о томъ, водятся-ли до сихъ поръ зубры въ верховьяхъ Зеленчука и въ мѣстахъ, лежащихъ рядомъ съ ними. Для этой цѣли и съ однимъ проводникомъ отправился изъ Псебая въ станицу Зеленчукскую, представляющую послѣдній, если не считать Зеленчукскаго монастыря, населенный пунктъ въ долинѣ Большого Зеленчука. Въ этой станицѣ я долженъ былъ встрѣтиться съ моимъ будущимъ спутникомъ С. О. Давидовичемъ, запастисъ провизией, нанять проводниковъ и затѣмъ уже отправиться въ горы. Изъ Псебая мнѣ надо было ѣхать по продольной долинѣ, которая тянется между отрогами Главнаго Кавказскаго хребта и Черными горами, отстоящими въ этой части Кубанской области среднимъ числомъ верстъ на 60 отъ главной цѣпи и идущими почти параллельно ей. Дорога наша шла по этой долинѣ на протяженіи верстъ 70 и проходила черезъ станицы Преградскую и Сторожевую до самой Зеленчукской, отъ которой уже круто поворачивала вправо, вверхъ по долинѣ Б. Зеленчука.

Около Псебая мы верхами переправились вбродъ черезъ М. Лабу и поѣхали вверхъ по рѣкѣ Андруку, предполагая переночевать на караулкѣ Даженту, гдѣ живутъ два етера Кубанской великокняжеской охоты. Караулка расположена въ неглубокой долинѣ и почти со всѣхъ сторонъ окружена лѣсомъ. Съ нея открывается очень красивый видъ на горы, внизу покрытыя лиственнымъ лѣсомъ, а вверху густымъ ельникомъ. И съ особеннымъ удовольствіемъ смотрѣлъ

съ крыльца караулки на эти дороги для меня по воспоминаніямъ мѣста, гдѣ зимою 1895—1896 года очень удачно охотился съ егерями Кубанской охоты за дикими кабанамъ.

На слѣдующее утро мы выступили изъ караулки въ числѣ пяти человекъ: я, мой проводникъ и три егеря, которымъ приказано было объѣхать горы на правой сторонѣ Б. Лабы. Съ ними мнѣ приходилось путешествовать верстѣ 20. до моста, недавно построеннаго черезъ Б. Лабу однимъ лѣсопрмышленникомъ на мѣстѣ бывшаго здѣсь раньше зыбкаго вислячаго черкесскаго мостика изъ плетней, по которому могли переходить черезъ рѣку только пѣшеходы, да переноситься за одинъ разъ не болѣе 2—3 штукъ овецъ.

На протяженіи верстѣ двухъ отъ караулки нашъ путь тянулся по болотистому мѣсту, густо затянутому зеленымъ травянымъ покровомъ. Такія мѣста, очень сходныя съ болотами сѣвера, встрѣчаются, какъ извѣстно, на горахъ Кавказа не особенно рѣдко и принадлежать въ большинствѣ случаевъ не къ моховымъ болотамъ, а къ такъ называемымъ травянымъ, или къ болотамъ кислыхъ травъ. Происхожденіемъ своимъ они обязаны какъ обилію атмосферныхъ осадковъ на горахъ Западнаго Кавказа, такъ и обилію водъ, стекающихъ съ горъ. Въ упомянутой уже продольной долинѣ такихъ болотъ очень много. Нѣкоторыя изъ нихъ, въ томъ числѣ и описываемое здѣсь, лежатъ не въ котловинахъ, а на плоскихъ мѣстахъ или даже на возвышенныхъ водораздѣлахъ, и, подобно болотамъ сѣвера, имѣютъ иногда болѣе или менѣе выпуклую форму съ значительно поднятымъ центромъ. Даже на такихъ возвышенныхъ мѣстахъ почва и корни травъ такъ сильно пропитаны водою, что нога человека погружается въ нее выше, чѣмъ по щиколодку. На этихъ болотахъ растутъ *Equisetum palustre*, *Typha latifolia*, *Butomus umbellatus*, *Hippuris vulgaris*, *Phragmites communis*, нѣсколько видовъ *Carex* и т. д.

За болотомъ дорога наша на протяженіи нѣсколькихъ верстѣ тянулась по лѣсу, а затѣмъ вышла въ долину Б. Лабы, гдѣ съ лѣвой стороны рѣка окаймлялась широкой, совершенно ровной поляной, покрытой хорошей травой. Съ этой поляны открывается очень красивый видъ на гору Ахметъ, вершина которой съ южной стороны, гдѣ гора подмывается Лабою, имѣетъ форму мыса, обрывающагося отвѣсной скалистой стѣной, вѣроятно, не менѣе, какъ въ сотню саженей

высоты. На сѣверъ гора Ахметъ спускается болѣе полого, покрыта лѣсомъ и даетъ начало нѣсколькимъ небольшимъ рѣчкамъ, текущимъ въ Лабу.

Проѣхавъ еще верстѣ 10 вверхъ по лѣвой сторонѣ долины Лабы, мы добрались наконецъ до давно ожидаемаго моста, гдѣ предположали отдохнуть часа два и покормить лошадей. Лабу здѣсь стѣснили скалы, и она изъ большой рѣки, шириною аршинъ въ 70, сразу превращается въ очень быстрый, узкій (не шире аршинъ 20-ти) потокъ, черезъ который перекинуть мостъ. Этотъ мостъ сократилъ мой путь верстѣ на 60, избавивъ меня отъ необходимости ѣхать черезъ Зассовскую станицу, находящуюся на В. Лабѣ въ 35 верстахъ ниже Псебая.

Такъ какъ въ горахъ въ послѣднiе дни стояла хорошая погода, то вода въ Лабѣ была очень чиста и имѣла нѣжный зеленовато-синiй цвѣтъ. Съ удовольствiемъ мы расположились на берегу этой красивой рѣки подъ тѣнью рѣдкихъ одиночно-стоящихъ деревьевъ, и тотчасъ каждый изъ насъ принялся за свое дѣло: двое изъ моихъ спутниковъ отправились ловить форель, которая водится здѣсь въ довольно большомъ количествѣ, двое принялись разводять огонь и кипятить воду для чая, а я пошелъ побродить по сосѣднимъ мѣстамъ, въ надеждѣ найти что-нибудь интересное. Счастливице всѣхъ оказались наши рыболовы, которымъ въ полчаса удалось поймать болѣе десятка форелей.

И забылъ сказать, что въ лѣсахъ и на полянахъ, черезъ которые пролегалъ нашъ путь, мы видѣли много кабанскихъ слѣдовъ и кое-гдѣ слѣды оленей и дикихъ козъ.

Переѣхавъ черезъ Лабу, мы направились внизъ, вдоль ея лѣваго берега, а вскорѣ затѣмъ свернули на востокъ, въ долину небольшой рѣчки Псемень и, придерживаясь южнаго склона горы Шелохъ (5527 ф.), доѣхали часамъ къ 6 вечера до станицы Преградной. Почти вся эта дорога, по которой съ удобствомъ можно ѣхать только верхомъ, имѣетъ очень живописныя окрестности и то спускается внизъ, въ глубокия балки, то поднимается на высокия горы. По сторонамъ ея всюду видѣются изумрудно-зеленые горные дуга, лѣса и перелѣски, а на Шелохѣ, кромѣ того, высокия желтоватыя скалы. Еще болѣе красивыя мѣста открываются вдали, на востокѣ, а особенно на югѣ, гдѣ лѣстныя горы постепенно поднимаются все выше и выше и представляютъ кѣльи лабиринтъ хребтовъ, ущелiй и долинъ.

Станица Преградная расположена на лѣвомъ берегу Уруна, на высотѣ сншкомъ 2200 ф., у южнаго конца такъ называемаго Урунскаго ущелья, у входа въ которое поднимаются два великана, Шелохъ (5527 ф.) *) и Баранаха (5589 ф.). Очень красивъ видъ со станицы на Баранаху, внизу болѣе или менѣе пологую, а вверху скалистую и крутую, кагъ стѣна. Вершина ея даже въ лѣтне дни часто бываетъ скрыта въ облакахъ, и тогда гора представляется еще величественнѣе.

Въ Преградной я пробылъ двое сутокъ у моего хорошаго знакомаго, отца Георгія Горыча. Отъ него и его жены, которая въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ ведетъ метеорологическія замѣтки, я узналъ интересныя данныя о климатическихъ особенностяхъ этой мѣстности, гдѣ они живутъ, уже болѣе десяти лѣтъ. Жена отца Егора сообщила мнѣ между прочимъ, что въ станицѣ Преградной, имѣющей вообще довольно прохладное лѣто, которое обуславливается, съ одной стороны, возвышеннымъ положеніемъ мѣстности, а съ другой—близостью высокихъ горъ, первые утренники случаются очень рано, обыкновенно между 3 и 7 августа, а первый снѣгъ выпадаетъ между 5 и 10 сентября. Зимы, по ея словамъ, только въ послѣдніе 3 года (1895—98) отличались большей или меньшей суровостью, равше-же были очень теплы и почти безснѣжны (снѣгъ выпадалъ много разъ, но очень скоро таялъ).—Морозовъ больше 5° въ то время почти не случалось, а въ полдень даже въ срединѣ зимы температура поднималась иногда до +12 или 15° Р. Ясные дни бываютъ здѣсь сравнительно рѣдко, притомъ лѣтомъ рѣже, чѣмъ зимою. Съ 1-го ноября 1895 года по 1-е ноября 1896 года болѣе или менѣе ясныхъ дней было 163, сильно пасмурныхъ 111, а такихъ, когда въ теченіе большей части сутокъ шелъ дождь или снѣгъ, 91. Въ слѣдующій годъ (по 1-е ноября 1897 года) болѣе или менѣе ясныхъ дней было 208, сильно пасмурныхъ 125. Плоды и ягоды созреваютъ здѣсь на цѣлый мѣсяцъ позднее, чѣмъ на равнинахъ Сѣвернаго Кавказа. Бишни, напр., поспѣваютъ въ концѣ іюля и держатся на деревьяхъ до Успенія; то-же можно сказать и о малинѣ. Яблоки скороспѣлая начинаютъ поспѣвать только въ августѣ.

* Продолженіе Шелоха, которое какъ-бы окаймляетъ Урунское ущелье съ лѣвой стороны, известно у мѣстныхъ жителей подъ именемъ Громатухи.

облиновешныи же, а также груши и яблца (*Prunus divaricata*) въ сентябрѣ. Арбузовъ, дынь и помидоровъ здѣсь даже не съють, такъ какъ они вовсе не вызрѣваютъ. Клубника на полѣхъ посѣивается въ первой половинѣ юля, а огурцы въ концѣ юля. Проѣзжая на возвратномъ пути черезъ Преградную 15-го юля, я, дѣйствительно, не нашелъ здѣсь ни арбузовъ, ни огурцовъ, ни малины. Просо и греча около Преградной убираются только въ сентябрѣ.

Во время пребыванія въ Преградной мною было предпринято 2—3 прогулки по окрестностямъ станицы. Изъ птицъ чаще другихъ попадались мнѣ въ это время стрижи, чеканы, жаворонки и овсянки, дрозды, сарычи и т. д. Городская ласточка (*Hirundo urbica*) водится въ Урунскомъ ущельѣ, гдѣ на каждомъ шагѣ видишь прилѣпшныя къ скаламъ ея гнѣзда. Здѣсь-же рядомъ съ нею живетъ и черный стрижъ (*Cypselus apus*), альпійская ворона (*Corvus graculus*) и скалистая ласточка (*Cotyle rupestris*). Горный стрижъ (*Cypselus melba*) также попадался мнѣ въ этихъ мѣстахъ, но гораздо рѣже. Въ станицѣ очень часто встрѣчается деревенская ласточка (*Hirundo rustica* L.), иволга, хохлатый жаворопокъ, черный дроздъ (*Merula vulgaris* Ray), зябликъ (*Fringilla coelebs*), а въ окрестностяхъ ея мухоловка (*Muscicapa griseola*), черноголовая сойка (*Garrulus Krinickii* Kalen.), сарычъ (*Buteo Menetriesi* Bogd.). Кроме того, здѣсь-же я видѣлъ стервятника (*Neophron percnopterus* L.) и нѣсколько сѣрыхъ грифовъ (*Gyps fulvus* Gm.) Въ мѣсахъ, окружающихъ станицу, водится до сихъ поръ довольно много медвѣдей, дикихъ свиней, козъ и оленей. Лѣтъ 15 тому назадъ преграденскимъ охотникомъ была убита пантера (*Felis pardus* L.), которая, какъ выяснилось въ послѣдніе годы, не составляетъ рѣдкости въ горахъ Кубанской области. По словамъ дѣлшнаго лѣсничаго О. Г. Шветыша, ревъ ея часто и теперь пастухи-черкесы слышать въ горахъ.

У Преградной я видѣлъ интереснаго кота—помѣсь домашней кошки съ дикимъ котомъ. Ростомъ онъ замѣтно больше домашняго и имѣетъ хвостъ сильно пушистый, въ особенности на концѣ (совершенно, какъ у дикаго), но отличающийся почти однообразной черной окраской; такимъ образомъ, чередующіяся черныя и сѣрыя кольца хвоста дикаго кота у него выражены гораздо слабѣе. Уши внутри покрыты длинными (болѣе 1 дюйма) рѣдкими волосами. Зимой этотъ котъ бываетъ покрытъ очень пушистой и гораздо бо-

лге длинной шерстью, чѣмъ домашніе коты; особенно пушисть бываетъ хвостъ, къ концу какъ-будто утолщающійся и кажущійся обрубленнымъ. Волоски внутри ушей дѣлаются гуще и въ видѣ щетки торчатъ изъ уха. Цвѣтъ kota темно-сѣрый съ черными пятнами, но не полосами, какъ у дикаго. Правомъ этотъ котъ отличается нѣсколько отъ домашняго: онъ никогда, напр., не поцуетъ въ комнатахъ и даже зимою большую часть времени проводить на открытомъ воздухѣ, но въ общемъ имѣеть смиренный нравъ *).

Дорога до Сторожевой и Зеленчукской станицъ тянется по продолженію той-же продольной долины, о которой было уже сказано. Она и здѣсь очень живописна и представляетъ въ общемъ такой-же характеръ, какъ и передъ Преградной. Съ сѣверной стороны ея возвышается обрывающійся къ югу очень круто хребетъ Черныхъ горъ съ вершинами Баранаха, Больше и Шисса (5284 ф.). Хребетъ этотъ поднялся, безъ сомнѣнія, позднѣе Главнаго, въ то время, когда съ этого послѣдняго стекали уже къ теперешней долинѣ Кубани многія рѣчки; по этой причинѣ онъ не направился вдоль начавшаго подниматься хребта Черныхъ горъ, а размывали его, все болѣе и болѣе углубляя свое ложе, и такимъ образомъ продѣлали для себя тѣ гигантскія ворота, которые мы видимъ теперь. Къ послѣднимъ принадлежитъ Урупское ущелье, ущелье Б. Зеленчука (между горами Больше и Шисса), ущелье М. Зеленчука, Кубани и т. д. Поднятіе хребта Черныхъ горъ относится, какъ извѣстно, къ мѣловому геологическому періоду.

Зеленчукская станица, съ которой должно было начаться теперь наше настоящее путешествіе по горамъ, расположена на правомъ берегу Б. Зеленчука, на высотѣ приблизительно 2800 ф. надъ уровнемъ моря. Съ нея въ хорошую погоду открывается прекрасный видъ на горы: виденъ весь хребетъ Абишира-Ахуба, на который я стремился въ это дѣло, Чиликъ (10626 ф.) и горы въ верховьяхъ Зеленчука и Маруха; но особенно замѣчательнъ видъ со станичной площади на Эльбрусъ. Правда, отсюда открывается только верхняя, покрытая вѣчнымъ снѣгомъ часть его, но она видна такъ ясно.

*) Помѣся домашнихъ животныхъ съ дикими представляютъ вообще довольно рѣдкое и интересное явленіе; поэтому я и описалъ в этого kota. Два раза попадались мнѣ помѣся дикихъ свиней съ домашними въ горной полосѣ Майкопскаго отдѣла (въ Сахрайскомъ поселкѣ и на отномъ хуторѣ вблизи Андрюковской станицы).

такъ отчетливо, блеснуть такимъ ослѣпительнымъ блескомъ, кажется такой близкой (не болѣе 10—15 верстъ) и, наконецъ, поднимаясь какъ-будто-бы тутъ-же, среди покрытыхъ яркой зеленью невысокихъ горъ, производитъ чарующее впечатлѣнiе. Въ дѣйствительности-же до нея отсюда по прямой линiи нѣлыхъ 90 верстъ. Немалымъ украшенiемъ станицы и ея окрестностей надо считать и Зеленчукъ, довольно большую (шаговъ 40—50 въ ширину) горную рѣчку, которая съ шумомъ несетъ холодную, чистую, зеленовато-голубую воду.

Изъ Зеленчукской станицы я отправился въ горы вмѣстѣ съ С. О. Давидовичемъ, съ которымъ еще раньше условился ѣхать къ верховьямъ Зеленчука. Проводниками нашими были два кабардинца, жители Касасевского аула, и одинъ казакъ. Послѣднiй долженъ былъ оставаться при накаткѣ, когда мы будемъ куда-нибудь уходить, и смотрѣть за лошадьми.

Выѣхавъ изъ станицы, мы очутились на самой среднiй просторной и очень красивой долины В. Зеленчука. Она здѣсь почти лишена дѣса, но всюду покрыта сочной, свѣжей, зеленой травой. Съ каждой верстой долина становилась замѣтно тѣснѣе, а горы, идущiя по бокамъ ея, выше и выше. Къ сожалѣнiю, дождь, который большую часть дня шелъ не переставая, не далъ намъ насладиться волицѣ пейзажю по этой красивой мѣстности.

Часамъ къ четыремъ пополудни мы доѣхали до монастыря, извѣстнаго подъ именемъ Свято-Александро-Афонской Зеленчукской пустыни. Она находится въ 25 верстахъ отъ станицы Зеленчукской; выше ея нѣтъ уже постоянныхъ человѣческихъ жилищъ (если не считать одной дѣсовой караулки) въ долинѣ В. Зеленчука. До нея продолжена теперь довольно прiродная колесная дорога. Кромѣ красоты мѣстоположенiя, богатства растительности, монастырь и его окрестности отличаются еще хорошимъ, здоровымъ климатомъ. Въ этомъ мѣстѣ, находящемся подъ защитой горъ, не бываетъ ни сильныхъ вѣтровъ, ни снѣжныхъ мигалей; кромѣ того, лето здѣсь довольно прохладное влѣдствiе близости горъ и высокому положенiю мѣстности надъ уровнемъ моря (около 3500 футовъ), а зима безъ сильныхъ морозовъ. Все это вмѣстѣ съ обилiемъ дѣса и воды способствовало возникновенiю здѣсь поселенiй еще въ отдаленныя, прошедшiя времена. Кромѣ развалины церкви въ этомъ мѣстѣ находятся остатки широкой (въ 3 сажени) вѣротно, городекой стѣны, кладбища и очень

многихъ построекъ, которыя были разбросаны на протяжении около трехъ верстъ по правой сторонѣ Зеленчука. До основанія монастыря здѣсь находилось 3 полуразрушившихся церкви. Одна изъ нихъ очень мала, стоитъ ниже другихъ, обросла со всѣхъ сторонъ кустами и деревьями: нѣсколько деревьевъ порядочныхъ размѣровъ (около 4 вершковъ въ диаметрѣ) выросло и на крышѣ ея. Нижняя, широкая часть этого миниатюрнаго храма уже наполовину разрушилась; надъ нею возвышается лучше сохранившаяся цилиндрическая часть съ узкими, высокими окнами, напоминающими бойницы, и съ плоскимъ куполомъ. Растущія на крышѣ и сводахъ церкви деревья, качаясь во время вѣтра, не мало способствуютъ разрушенію ея. Церковь эта находится саженьхъ въ 100 отъ монастыря. Недалеко отъ нея найдено въ лѣсу древнее христіанское кладбище съ гробницами, сдѣланными, какъ сообщается въ брошюрѣ, посвященной описанію зеленчукскихъ храмовъ *), изъ трехъ плитъ и закрывавшимися сверху одной маленькой четырехугольной плитой. Она располагалась надъ головой покойника, не покрывая прочихъ частей его тѣла. Одна часть кладбища размыта потокомъ, впадающимъ въ Зеленчукъ. Въ руслѣ потока лежатъ плиты гробовъ, и въ крутыхъ берегахъ его видны остатки гробницъ, въ которыхъ заключены кости. На кладбищѣ находятся гробницы не только взрослыхъ людей, но и дѣтей. Последнее доказываетъ, что бывшее зеленчукское поселеніе не было исключительно монастырскимъ. Два прочіе храма, менѣе пострадавшіе отъ времени, возобновлены, и въ нихъ совершается теперь богослуженіе; но они имѣютъ еще меньшую величину, чѣмъ описанный—одинъ изъ нихъ, всего лишь 15 аршинъ въ длину и въ ширину. Своды ихъ были сдѣланы изъ очень хорошаго кирпича, а стѣны изъ слегка отесаннаго прочнаго камня. Онѣ имѣли толщину около 2 аршинъ. Последнее время эти храмы стояли безъ штукатурки, которая, какъ говорятъ, обвалилась лѣтъ 40 тому назадъ отъ дождей и отъ того, что горы стали загонять въ церкви во время непогоды скотъ и разводили огонь. Архитектура храмовъ и немногія уцѣлѣвшія изображенія святыхъ въ чисто греческомъ стилѣ показываютъ, что храмы эти были построены подъ руководящимъ вліяніемъ греческаго духовенства. Указателемъ

*) Древне-христіанскіе храмы и св. Алексавдро-Анонскій-Зеленчукскій монастырь. Свящ. Д. Успенскаго. Москва. 1892 г.

древности ихъ служить крестъ, найденный на берегу Зеленчука, съ греческой надписью и обозначеніемъ 6521 года отъ сотворенія міра *) (соответствуетъ 1013 году отъ Р. X.), а также интересная греческая надпись, съ обозначеніемъ XIII столѣтія, на каменномъ памятникѣ, находящемся въ лѣсу по правому берегу Зеленчука и приблизительно верстахъ въ 15 выше монастыря. Авторъ упомянутой уже брошюры полагаетъ, однако, неизвестно, на основаніи какихъ соображеній, что зеленчукскія сооруженія должны быть отнесены скорѣе всего къ VI столѣтію по Р. X., ко времени Юстиніана. Если храмы эти, вѣроятно, были построены колонистами-греками, поселившимися на Кавказѣ въ средніе вѣка съ торговой цѣлью среди полудикахъ туземцевъ Кавказа. Подтвержденіемъ этого предположенія можетъ служить и то обстоятельство, что церкви, подобныя зеленчукскимъ (напр., въ верховьяхъ Кубани и долиніѣ Теберды), построены на труднодоступныхъ и удобныхъ для обороны мѣстахъ, напр., на скалахъ или въ тѣсныхъ ущельяхъ.

Около монастыря долина Зеленчука становится значительно тѣснѣе, окаймляется довольно высокими скалистыми горами и почти сплошь покрыта лѣсомъ, который растетъ не только внизу, у дна ея, но и по скаламъ; во многихъ мѣстахъ онъ такъ густъ, что скалы едва проглядываютъ сквозь него. Онъ состоитъ здѣсь изъ вяза (*Ulmus*), дуба, бука, березы, ольхи, рябины, граба, бузины и нѣкоторыхъ другихъ лѣсныхъ породъ. Вверху, на скалахъ, видѣются кое-гдѣ сосны. Травянистыя растенія представляютъ еще большее разнообразіе, и многія изъ нихъ принадлежатъ къ настоящимъ горнымъ видамъ. Изъ нихъ обращаетъ на себя вниманіе *Spiraea crenata*, украшенная длинными метелками желто-бѣлыхъ цвѣтовъ, а также крупныя колокольчики (*Campanula*), геліопанъ, *Aconitum* и т. д. Немного выше монастыря начинается понадаться чемерица (*Veratrum album*), встрѣчающаяся на Кавказѣ только на болѣе или менѣе высокихъ мѣстахъ, включая и альпійскіе дуга.

На скалахъ противъ самаго монастыря мы видѣли двухъ серны. Охота за ними въ этихъ мѣстахъ, почти сплошь покрытыхъ лѣсомъ, очень трудна, да здѣсь, вѣроятно, по близости и нѣтъ охотниковъ; по этимъ причинамъ серны чув-

ствуютъ себя въ большей или меньшей безопасности и не боятся показываться на глаза. Въ этихъ-же мѣстахъ нередко попадаются дикіе кабаны и медвѣди; что-же касается птицъ, то ихъ вслѣдствіе дождя, который шелъ почти цѣлый день, мы видѣли очень мало.

Въ этотъ-же день мы пробѣжали отъ монастыря вверхъ по долинѣ Зеленчука еще верстѣ 10 и на одной полянѣ, недалеко отъ рѣчки, расположились на ночлегъ. Поляна эта находилась на высотѣ 3500 ф. надъ уровнемъ моря.

На слѣдующій день мы продолжали путь по довольно хорошей дорогѣ, проложенной по лѣвой сторонѣ Б. Зеленчука. Она шла то по полянамъ, то по лѣсу. По сторонамъ ея вездѣ открывались очень красивые виды. Часамъ къ 11 утра мы доѣхали до мѣста, известнаго подъ именемъ „Старого (древняго) Жилища“. Мѣсто это получило такое названіе потому, что на немъ, какъ мы увидимъ вскорѣ, въ прежнія времена также существовали дикія-то поселенія, слѣды которыхъ сохранились до сихъ поръ почти на всѣхъ здѣшнихъ полянахъ, а кое-гдѣ и въ лѣсахъ.

Между „Старымъ Жилищемъ“ и монастыремъ на протяженіи верстѣ 25 Зеленчукъ встрѣчаетъ сначала хребетъ Абишира-Ахуба, а затѣмъ горы Мыцешта, которыя заставляютъ его сдѣлать два крутыхъ поворота въ правую сторону. Течетъ онъ на всемъ этомъ протяженіи очень быстро въ узкомъ глубокомъ ущельѣ, которое, за исключеніемъ маленькихъ поляночекъ, разбросанныхъ по берегамъ рѣчки, всюду покрыто лѣсомъ. Большая часть его растетъ по страшнымъ кручамъ. Вблизи монастыря онъ состоитъ, какъ уже было сказано, изъ различныхъ лиственныхъ породъ, а верстахъ въ 15—20 отъ него начинаютъ мало-по-малу входить въ силу хвойныя насажденія. Кромѣ упомянутыхъ раньше древесныхъ породъ въ этомъ ущельѣ встрѣчается кленъ (*Acer platanoides*), ясень, сосна, кавказская пихта и ель; послѣдняя, впрочемъ, въ ограниченномъ количествѣ. Изъ кустарниковъ здѣсь часто попадаются два вида крыжовника, жимолость, много малины и особенно смородины. Послѣднія во многихъ мѣстахъ растутъ буквально на каждомъ шагу, образуя высокіе кусты, унизанные длинными кистями ягодъ. Кое-гдѣ встрѣчается можжевельникъ (*Juniperus communis*) но сравнительно рѣдко.

Въ предыдущихъ своихъ статьяхъ я уже нѣсколько разъ указывалъ на то, что долина каждой изъ болѣе или

менше значительныхъ рѣчекъ Кубанской области по своей флорѣ замѣтно отличается отъ другихъ, даже довольно близкихъ къ ней долинъ. Такимъ образомъ, полное отсутствие въ долинѣ Зеленчука папоротника-орляка, который въ болѣе западныхъ частяхъ Кубанской области сплошь покрываетъ почти все поляны и является настоящимъ врагомъ земледѣльца, самшита (кавказская пальма, *Vixus sempervirens*), плюща, *Staphylea pinnata*, жасмина, (*Philadelphus coronarius*) очень сильно отличаетъ флору этой долины отъ флоры верховьевъ Пшехи, отстоящихъ отсюда версты на 120. Даже отъ долины М. Лабы долина Зеленчука въ этомъ отношеніи отличается замѣтно. Въ первой, напр., жасминъ образуетъ мѣстами почти сплошныя заросли, а во второй я его не встрѣчалъ вовсе.

Около „Старога Жилища“ долина Зеленчука имѣетъ не только замѣчательно красивый, но какой-то особенно пѣкный, привлекательный видъ. Надо замѣтить, что въ этомъ мѣстѣ въ Зеленчукъ впадаетъ довольно большія рѣчка Кизгышъ (Хыздышъ— на картахъ Кавказа), которая течетъ подъ прямымъ угломъ къ Зеленчуку, а въ двухъ верстахъ отсюда самъ онъ составляется изъ двухъ рѣчекъ, Псыжа и Иркъа (Речелста); наконецъ, еще на 2 версты выше въ Псыжъ впадаетъ рѣчка Софія. Такимъ образомъ, около „Старога Жилища“ долина Б. Зеленчука раздѣляется въсѣрочнообразно на нѣсколько отдѣльныхъ долинъ и потому сильно расширяется, образуя плоское, почти ровное дно. Оно представляетъ цѣлый рядъ широкихъ большихъ полей, вокругъ которыхъ располагаются красивыя березовыя и сосновыя рощи. Все это окружено еще крутыми, очень высокими горами (Хизчерцахро—имѣетъ 10524 ф. въ высоту), внизу покрытыми лѣсомъ, а сверху—громоздящимися другъ надъ другомъ уступами скалъ. Это живописное мѣстечко, представляющее такъ много удобствъ для жизни человѣка и, при томъ, столь удобное для защиты отъ враговъ, не могло, какъ и мѣстность около монастыря, не обратить вниманія и не привлечь къ себѣ древнихъ колонистовъ Кавказа *) . Дѣйствительно, здѣсь

*) Съ юга оно защищено Главнымъ Кавказскимъ хребтомъ, въ которомъ здѣсь нѣтъ даже переваловъ, а съ востока очень высокими горами, возвышающимися между Марухомъ и Зеленчукомъ; съ запада къ нему пробраться также очень трудно, и только съ стѣвера болѣе или менѣе легко по узкому ущелью Зеленчука. Но и съ этой стороны гореть людей можетъ отразить нападеніе цѣлыхъ полчищъ.

почти на всѣхъ полянахъ, а во многихъ мѣстахъ и въ лѣсу мы видимъ кучи камней, имѣющія видъ правильныхъ четырехугольниковъ и представляющія, очевидно, остатки разсыпавшихся стѣнъ домовъ или другихъ какихъ-нибудь построекъ. На полянахъ, окружающихъ лѣсную сторожку, находящуюся при впадении Кизгыша въ Зеленчукъ, остатки человеческихъ жилищъ видимъ почти на каждомъ шагу. Не доходя версты до караулки, легко замѣтить четырехугольное пространство, десятины въ полторы или двѣ, которое было когда-то обнесено стѣною и, вѣроятно, ровомъ. Можетъ быть, здѣсь находилась та самая крѣпость, которая защищала колонию съ сѣвера. Въ одномъ мѣстѣ, гдѣ остатки ея стѣнъ лучше сохранились, можно замѣтить, что онѣ были сложены изъ округленныхъ водою крупныхъ, рѣчныхъ валуновъ. Во многихъ мѣстахъ на полянахъ и между деревьями видимъ камни, сложенные въ кучи, которыя напоминаютъ могилы черкесовъ и другихъ горцевъ Кавказа, но значительно большихъ размѣровъ. Остатки стѣнъ, валовъ и слѣды рововъ замѣтны и въ долинахъ упомянутыхъ уже притоковъ Б. Зеленчука.

Поляна, на которой расположена лѣсная караулка, находится на лѣвомъ берегу Большого Зеленчука, на высотѣ приблизительно 4300 футовъ надъ уровнемъ моря. Противъ караулки выстроена хорошій деревянный мостъ черезъ Зеленчукъ. Ближайшія окрестности караулки такъ живописны, что здѣшнимъ полбесовщикамъ можно позавидовать. Караулка построена на большой покрытой травой полянѣ, которая окружена со всѣхъ сторонъ рѣдколѣсьемъ изъ хорошенючкихъ молодыхъ кудрявыхъ березокъ, перемежаемыхъ съ соснами. Онѣ растутъ довольно далеко другъ отъ друга и между нихъ красиво просвѣчиваетъ лѣсная даль. По дорогѣ къ мосту и за нимъ, на другой сторонѣ рѣчки, также виднѣются красивыя сосновые рощицы; еще дальне сивѣютъ густые пихтовые лѣса и, наконецъ, далеко на югѣ блеститъ остроугольная дѣль горъ съ пятнами и полосами вѣчнаго снѣга.

Вблизи караулки мы простояли около сутокъ. Въ это время я употребилъ нѣсколько часовъ на поѣздку въ долину Кизгыша, который вмѣстѣ съ Псыжемъ составляетъ главнѣйшіе источники Б. Зеленчука. Кизгышъ имѣетъ ширину 40 въ ширину, версты 30 въ длину, течетъ очень быстро и настолько многоводенъ, что по нему безъ особеннаго труда проѣз-

водится сплавъ лѣса. Узкая долина его тянется очень прямо и имѣетъ довольно красивый видъ. На правой сторонѣ ее растутъ преимущественно сосна, а на лѣвой, болѣе лѣсной, пихта и особенно много ели. Верстахъ въ 10 отъ того мѣста, гдѣ впадаетъ въ Зеленчукъ Кизгышъ, послѣдній раздѣляется на два истока. Лѣвый изъ нихъ получаетъ начало изъ Главнаго Кавказскаго хребта вблизи Марухскаго перевала, а правый—изъ-подъ горы Капшыстры *) , самой красивой, стройной и одной изъ самыхъ высокыхъ въ верховьяхъ Зеленчука. Очень высокая гора находится также вблизи впаденія Кизгыша въ Зеленчукъ. Хорошій, крупный лѣсъ тянется по Кизгышу только верста на 10.—т. е. до того мѣста, гдѣ упомянутые уже истоки этой рѣчки сливаются другъ съ другомъ.

Въ долину Кизгыша я поѣхалъ вмѣстѣ со своимъ проводникомъ Нагосомъ Дауровымъ, который въ этой долинѣ бывалъ неоднократно, но давно. Отправляясь въ нее, мы подробно разспросили полѣсовщиковъ о всѣхъ находящихся въ ней дорожкахъ и тропинкахъ, но тѣмъ не менѣе сбились съ пути, не успѣвъ отѣхать отъ караулки 3—4 версты. Я догадался, что по ошибкѣ мой проводникъ избралъ правую тропинку вмѣсто лѣвой и потому рѣшилъ свернуть влѣво и лѣсомъ пробраться на настоящую дорогу. Вскорѣ, однако, мы забрались въ такой буреломъ, въ такую чащу, что должны были безконечное число разъ сворачивать то вправо, то влѣво и въ концѣ концовъ совершенно сбились съ дороги. Къ сожалѣнiю, лѣсъ былъ настолько густъ, что сквозь него нельзя было видѣть окружающихъ долину горъ и ориентироваться по нимъ. Я опасался, какъ-бы не пришлось намъ ночевать въ лѣсу, что было-бы не особенно прiятно, такъ какъ у насъ не было съ собою ни хлѣба, ни теплаго платья. Волей-неволей принуждены мы были возвратиться назадъ, по своимъ-же слѣдамъ, и съ трудомъ отыскивая ихъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, выбраться на прежнюю тропинку. По ней мы проѣхали еще версты двѣ назадъ, а затѣмъ уже,

*) Высота Капшыстры, по позднѣйшимъ опредѣленiямъ, равняется 10541 ф. надъ ур. моря (Винниковъ. Записка о спискѣ географическаго полковника пунктовъ Кавк. края, опредѣленныхъ чинами Военно-Топогр. Отд. Зап. Кавк. Отд. Имп. Русск. Геогр. Общ. Кн. XIX); но гора издали кажется очень высокою, выше даже, чѣмъ Псыжъ, достигающiя, по позднѣйшимъ опредѣленiямъ, 11493 ф.

попавши наконецъ на настоящую дорогу, отправились вверхъ по ущелью.

Въ этой долине мы встрѣтили нѣсколько небольшихъ (сажней въ 100 — 200 длиною) озеръ, или, правильнѣе, болотъ, заросшихъ осокою и камышемъ; кромѣ того, на полянахъ во многихъ мѣстахъ нашли такія-же кучи камней, какъ по Зеленчуку, и длинный валъ, идущій поперекъ долины и, вѣроятно, служившій когда-то для защиты ея обитателей отъ нападенія враговъ. Что касается растительности этой долины, то она очень сходна съ растительностью по Зеленчуку и также состоитъ внизу изъ смѣшанныхъ лѣсныхъ породъ, а вверху почти исключительно изъ хвойныхъ, надъ которыми тянутся еще густыя заросли низкорослой березы.

Верховья Кизгыша окружены высокими черными зубчатыми скалами, на которыхъ виднѣются пятна и полосы снѣга; здѣсь-же находится и нѣсколько глетчеровъ, на существованіе которыхъ указываетъ и мутная вода Кизгыша. Одинъ изъ глетчеровъ, довольно длинный и сильно обрывистый, спускается съ горы Капышистра.

На слѣдующее утро мы отправились вверхъ по Зеленчуку, или, правильнѣе, Псыжу, такъ какъ выше сліянія съ Кизгышемъ. Зеленчукъ называютъ обыкновенно Псыжемъ *) по имени той очень высокой горы (12427 ф.), изъ-подъ которой онъ вытекаетъ **).

Дорога отъ караулки вверхъ по Зеленчуку тянется то по лѣсу, то по полянамъ. Последнія и здѣсь окружены изящными, стройными соснами и имѣютъ такой-же красивый видъ, какъ и вблизи караулки. Особенностью этой мѣстности служатъ густыя заросли черемухи, покрывающія дно долины. Въ 2 1/2 верстахъ отъ караулки въ Псыжъ впадаетъ Иркъызъ. Эта неглубокая, не особенно быстрая, но замѣчательно красивая рѣчка имѣетъ шаговъ 20—25 въ ширину и несетъ голубую и, при томъ, такую прозрачную воду, что надѣя ея видны отчетливо даже самыя мелкіе камешки. Намъ пришлось

*) На пятиверстной картѣ Кавказа эта рѣчка названа, впрочемъ, Зеленчукомъ, а долина ея долиною *Иркъизъ*. Это, конечно, неправильно, такъ какъ Иркъызъ (варачаевцы и кабардинцы произносятъ Аркъызъ) есть притокъ Псыжа съ лѣвой стороны. Въ верховьяхъ своихъ онъ названъ на пятиверстной картѣ Реченстой.

**) Псыжъ, влв. какъ онъ именуется на картахъ, Псышъ находится вост. 43° 23' 6" с. ш. и 58° 51' 34" в. д. и, по новѣйшимъ опредѣленіямъ, имѣетъ высоту въ 11493 ф.

пройтись вверх по долине ея версты полторы, потом перебраться через нее и снова спуститься въ долину Псыжа.

Когда мы отѣхали отъ караулки версты 6, то нашимъ взорамъ открылся очень красивый видъ на долину р. Софія, впадающей въ Псыжъ съ правой стороны *). Эта рѣчка имѣетъ въ длину всего лишь версты 8, но течетъ въ очень глубокой, довольно просторной прямой долине, покрытой лѣсомъ. По лѣвой, болѣе тѣнистой сторонѣ долины растетъ почти сплошной хорошей пихтовой лѣсъ, по правой-же онъ значительно рѣже, мельче и состоитъ по-преимуществу изъ сосны. Кроме того въ немъ очень много полянъ. По этой долине также уже производилась рубка лѣса, при чемъ брусья стаскивали до Псыжа, а по этому послѣднему сплавляли дальше. Рубили его, впрочемъ, только въблизи впаденія Софія въ Псыжъ.

Долина р. Софія замѣчательна въ томъ отношеніи, что верховья ея окружены очень высокими горами, представляющими громадный амфитеатръ крутыхъ и острозубчатыхъ черныхъ скалъ, украшенныхъ не только пятнами, полосами и лентами снѣга, но даже довольно порядочными снѣжными полями и глетчерами. Такія-же высокія горы окаймляютъ эту долину почти на всемъ ея протяженіи съ южной стороны. Съ снѣжныхъ полей, висящихъ на нихъ, стекаетъ въ Софія множество усѣянныхъ водопадами и блестящихъ, какъ серебро, быстрыхъ и шумныхъ горныхъ потоковъ. Въ самыхъ истокахъ Софія находится три глетчера. Одинъ изъ нихъ довольно длиненъ и достигаетъ, вмѣстѣ съ фирновыми полями, питающими его, вѣроятно, не менѣе двухъ версты. Кроме того, онъ имѣетъ значительную ширину и представляетъ очень толстый пластъ льда. Вверху этотъ глетчеръ болѣе или менѣе пологъ, но самая нижняя часть его на протяженіи, вѣроятно, болѣе сотни сажени обрывается очень круто. Изъ-подъ него вытекаетъ 4 большихъ и множество маленькихъ рѣчекъ. Съ сѣверной стороны этого ледника находится другой, меньшій, который выдающейся скалою раздѣляется въ своей нижней части на двѣ вѣтви, а съ южной—широкий и широкій фирвъ-глетчеръ. Около него лежатъ еще довольно значительныя для этой части Кавказа снѣжныя поля. Надъ ними поднимается очень крутая и высокая чер-

*) На пятиверстной картѣ Кавказа эта рѣчка обозначена, но не названа никакимъ именемъ.

ная скала; она имѣетъ видъ широкой закругленной лопаты и испещрена полосами и пятнами сѣва. Высота ея, вѣроятно, не менѣе 10½, или 11 тысячъ футовъ. Надо замѣтить, что эти горы не принадлежатъ къ гребню Главнаго хребта, а отстоятъ отъ него верстъ на 15.

Отъ того мѣста, гдѣ Софія впадаетъ въ Псыжъ, мы поѣхали вверхъ по долинѣ его еще верстъ 10. Здѣсь она съ каждымъ шагомъ становилась все тѣснѣе и тѣснѣе, а горы, окружающія ее, выше и выше. Дно ея покрыто лѣсомъ, состоящимъ изъ вербы, осины, березы, крушины, сосны и пихты. Встрѣчается въ ней также ель и кавказскій горный кленъ (*Acer Trautvetteri*), но не въ такомъ количествѣ, какъ упомянутыя выше породы. Сосны и пихты достигаютъ въ этомъ лѣсу аршина въ диаметрѣ и нѣсколько больше, но такихъ великановъ, какіе растутъ въ долинѣ Теберды или въ долинѣ Лабы (въ Заганѣ), я здѣсь не видѣлъ вовсе. Вообще этотъ лѣсъ за послѣднія лѣтъ 15—20 замѣтно порѣдѣлъ. Цѣлыми тысячами сосновыхъ бревенъ, приготовленныхъ для сплава, мы застали и теперь на берегахъ Псыжа. Вдали отъ рѣчки, на склонахъ горъ, этотъ лѣсъ, впрочемъ, замѣтно лучше, гуще и состоитъ почти исключительно изъ кавказской пихты (*Abies Nordmanniana* Sprach.). Немало удивляло меня отсутствіе крупной дичи въ этихъ мѣстахъ. Въ самомъ дѣлѣ, на всемъ пространствѣ, которое мы поѣхали въ это утро, только около одной лужи я видѣлъ болѣе или менѣе свѣжіе слѣды дикихъ свиней.

Въ полдень мы достигли одной небольшой полянки на лѣвой сторонѣ Псыжа, дальше которой ѣхать верхомъ было невозможно. Здѣсь мы сдѣлали приваль. И два нашихъ проводника-охотника принялись въ бинокль и въ сильную подзорную трубу разсматривать горные дуга и скалы, находящіяся по обѣимъ сторонамъ ущелья выше пояса лѣсовъ. Они представляли всѣ удобства для жизни такихъ животныхъ, какъ туры, серны, а отчасти и медвѣди; но, какъ мы ни старались въ теченіе слишкомъ получаса увидѣть на нихъ что-нибудь живое, всѣ наши труды оказались тщетными. Причина этого, впрочемъ, вполне понятна. Верховья Зеленчука, имѣющія большое количество полянъ и очень много удобныхъ для пастьбы скота альпійскихъ луговъ, издавна привлекаютъ къ себѣ изъ Карачая и другихъ мѣстностей Кубанской области огромное количество кочевниковъ съ ихъ стадами и табунами. Въ послѣдующіе дни нашего пребыва-

шія въ этихъ мѣстахъ и убѣдился, что здѣсь нѣтъ мѣста въ горахъ, гдѣ-бы ни паслись овцы, козы, лошади или крупный рогатый скотъ и гдѣ-бы крикъ пастуховъ, лай собакъ и рѣвъ или ржанье домашнихъ животныхъ ни раздавался со всѣхъ сторонъ. Конечно, при такихъ условіяхъ дичь въ верховьяхъ Зеленчука держаться не будетъ, или-же забьется въ такія пропасти и трещины, куда злѣйшій врагъ ей человекъ проникнуть не можетъ. Два года тому назадъ здѣсь охотился извѣстный англійскій путешественникъ и спортсменъ Лигль-даль, и ему удалось убить въ верховьяхъ Псыжа только одну сойгу.

Такъ какъ мнѣ хотѣлось пробраться еще выше по этому ущелью и еще побродить по его лѣсамъ, то я вдвоемъ съ своимъ проводникомъ Натоемъ Дауровымъ отправился дальше пѣшкомъ. Мы прошли до того мѣста, гдѣ въ Псыжѣ впадаетъ съ лѣвой стороны довольно большая рѣчка, и еще выше, гдѣ самъ онъ раздѣляется на два горныхъ потока. Здѣсь мы уперлись въ высокую, выдающуюся мысомъ гору, которая возвышается между этими двумя истоками Псыжа. Недалеко отсюда крупный лѣсъ, растущій по ущельямъ, кончается, замѣняясь березниками, за которыми видѣются недалеко скалистыя, совершенно безлѣсные горы, покрытыя уже во многихъ мѣстахъ снѣгомъ. Съ этого мѣста мы возвратились на поляну, гдѣ меня ожидалъ мой спутникъ съ двумя проводниками, чтобы всѣмъ вмѣстѣ ѣхать на оставшейся у насъ назадъ хребетъ Абишира-Ахуба. Въ пройденной нами части лѣса дичи, какъ замѣтно было, держится также очень мало. Мы не видѣли здѣсь ни медвѣжьихъ, ни оленьихъ слѣдовъ, а только мѣстахъ въ 2—3 сениныя поковы. Зубровъ въ этихъ лѣсахъ, конечно, быть не можетъ.

Едва мы успѣли возвратиться на поляну, какъ уже начался дождь. Еще рано утромъ, когда мы были на караулѣ и только собирались ѣхать, я обратилъ вниманіе на отсутствіе росы и необыкновенно теплый воздухъ. Несмотря на высоту мѣстности, равную почти $4\frac{1}{2}$ тысячамъ футовъ, въ 5 часовъ утра термометръ показывалъ тамъ $+15^{\circ}$ Ц. Я рѣшилъ, что погода должна измѣниться къ худшему, и это предположеніе теперь оправдалось вполне.

Дождь заставилъ насъ просидѣть часа полтора подъ кустами сѣвѣи; когда же небо на сѣверѣ, куда намъ надо было ѣхать, замѣтно очистилось и роса съ деревьевъ немножко спала, мы двинулись въ путь. Дождь, однако, успѣлъ по-

сѣверный склонъ его, гдѣ получаетъ начало Кларъ-Агуръ, и, наконецъ, поохотиться, если удастся, за турами или сернами.

На слѣдующій день я всталъ, какъ только начало свѣтать, и думалъ тотчасъ-же отправиться въ путь съ однимъ проводникомъ. Небо было въ это время совершенно чисто, вдали на югѣ ясно обрисовывались на немъ острые зубцы горъ, а на сѣверѣ, позади насъ, мрачною стѣной поднимался хребтъ Абишира-Ахуба. Къ моему большому огорченію, верхняя часть его была окутана густыми темно-сѣрыми облаками, клубы которыхъ то спускались внизъ, то поднимались вверхъ, не переставая, однако, скрывать отъ нашихъ глазъ самый гребень хребта. Лѣзть на него при такихъ условіяхъ было бесполезно, такъ какъ туманъ лишилъ-бы насъ возможности что-либо увидѣть. Я утѣшилъ себя надеждой, что съ восходомъ солнца онъ разбѣтается, и потому ежеминутно присматривался къ непрерывно измѣняющемуся его контурамъ. Сколько ни старался я подмѣтить, когда, наконецъ, онъ начнетъ подниматься и сквозь него покажутся вершины хребта, но каждый разъ долженъ былъ испытывать горькое разочарованіе, такъ какъ туманъ по временамъ не только не поднимался, но даже опускался ниже, чѣмъ былъ раньше. Такъ прошло часа три. Наконецъ, въ восьмомъ часу онъ замѣтно порѣдѣлъ и подъ нимъ показался скалистый, зубчатый гребень хребта. Дорожа каждой минутой, мы поспѣшили двинуться въ путь. Туда-же, но другой дорогой отправился и мой спутникъ С. О. Давидовичъ.

Половину подъема я сдѣлалъ на лошади, дальше-же рѣшилъ итти пѣшкомъ. Въ это время скалы и утесы, составляющіе вершину хребта, находились какъ-будто-бы совсемъ близко, но мы должны были цѣлые полтора часа лѣзть на крутую, какъ стѣна, гору, прежде чѣмъ добрались до гребня ея. Снѣга здѣсь было очень мало и лежалъ онъ только въ нѣкоторыхъ котловинахъ, да кое-гдѣ подъ самымъ гребнемъ хребта, образуя небольшія поля; что-же касается глетчеровъ, то ни здѣсь, ни въ другихъ мѣстахъ южнаго склона Абишира-Ахуба ихъ не оказалось вовсе. За то вся верхняя часть Абишира-Ахуба покрыта съ этой стороны широкой полосой осмѣей (въ нѣкоторыхъ мѣстахъ до полуторы версты въ ширину), по которымъ итти гораздо труднѣе и хуже, чѣмъ по снѣжнымъ полямъ или глетчерамъ, такъ какъ нога не только глубоко тонетъ въ нихъ, но и съ цѣлой гру-

дой мелкихъ и крупныхъ камней сунется внизъ, какъ только на нее обопреешься. Мнѣ эти осмыи надобли до невозможности, и я былъ несказанно радъ, когда онѣ кончились и я ступилъ на скалы. Вскорѣ послѣ этого, именно въ 11 часовъ, мы были на вершинѣ хребта, средняя высота котораго равняется приблизительно 10000 ф. Во время подъема мы два раза встрѣчали горныхъ курочекъ (*Perdix shukar Gray*), которые, какъ сообщила мнѣ мой проводникъ-охотникъ, встрѣчаются здѣсь довольно часто; кромѣ того видѣли много дроздовъ-дерибъ (*Turdus viscivorus L.*) и одного чернобураго грифа (*Vultur monachus L.*). Онѣ два раза пролетѣли надъ нами такъ близко, что мы не только слышали ясно шумъ его крыльевъ, но, какъ казалось, чувствовали производимый ими вѣтеръ. Мой проводникъ удивлялся, что намъ не попались видѣ горныя индѣйки, которыхъ, по его словамъ, иногда бываетъ здѣсь столько, сколько камней. Красивая горная ящерица (*Lacerta muralis Laur.*) встрѣчается тутъ очень часто на скалахъ и осмыяхъ. Кромѣ того, здѣсь же въ травѣ я нашелъ толстую темнобурую гадюку (*Viperaga bergus L.*), вдоль спины которой тянулась очень широкая черная зигзагообразная полоса не изъ угловыхъ, какъ обыкновенно, а изъ болѣе или менѣе закругленныхъ пятенъ. Что касается растительности этихъ мѣстъ, то при началѣ подъема она состояла главнымъ образомъ изъ густыхъ березовыхъ зарослей, поднимающихся приблизительно тысячь до 7½ футовъ надъ ур. моря; среди березъ растутъ здѣсь также сосны, верба, а кое-гдѣ и букъ. Выше пояса лѣсовъ тянутся уже горныя луга, которые въ отношеніи своей флоры мало отличаются отъ горныхъ луговъ другихъ мѣстъ Кубанской области. Здѣсь попался мнѣ, между прочимъ, и одинъ видъ колокольчиковъ (*Campanula*), котораго раньше я, какъ кажется, не встрѣчалъ; кромѣ того я невольно обратилъ вниманіе на очень красивыя кровечьяя генціаны (*Gentiana rugosaica*), которыя растутъ группами въ нѣсколько десятковъ или даже сотенъ экземпляровъ, образуя чудныя островки изъ сапфирно-синихъ звѣздочекъ, разсыпанныхъ по зеленому ковру. Въ минералогическомъ отношеніи Абишира-Ахуба не представляетъ разнообразія или богатства. Гребень его въ этихъ мѣстахъ состоитъ по-преимуществу изъ осадочныхъ образований, именно изъ плотнаго темно-сѣраго известняка съ бѣлыми прослойками известковаго шпата. Кромѣ того, во многихъ мѣстахъ на самомъ гребнѣ хребта высту-

пакость скалы изъ зеленого кремнистаго сланца. Изъ тѣхъ-же минераловъ, а также аспиднаго сланца состоятъ и осыпи, покрывающія немалое пространство, какъ уже было замѣчено, на склонахъ этого хребта. На немъ-же, въ особенности по сѣверному склону, попадаются также гранитъ и гнейсъ.

Абишира-Ахуба замѣчательна по необыкновенно красивымъ видамъ, открывающимся съ высоты 10000 ф. въ разныя стороны на цѣлыя сотни верстъ. На нѣса, многия долины и ущелья отсюда приходится смотрѣть буквально съ птичьяго полета. Особенно красивъ видъ на Главный Кавказскій хребетъ, покрытый блестящими снѣжными полями. Многия вершины его, какъ, напр., Цесъжъ, Капшнистра, видны превосходно и во всѣхъ подробностяхъ. Острая, стройная и необыкновенно красивая вершина Капшнистры, состоящая изъ тѣсной группы еще болѣе тонкихъ и острыхъ зубцовъ скаль, необыкновенно изящно разрисованныхъ пятнами, полосами и зубчатыми лентами снѣга, представляется отсюда восхитительной.

Скажу нѣсколько словъ о географическомъ положеніи и другихъ особенностяхъ Абишира-Ахуба. Этотъ хребетъ тянется болѣе или менѣе параллельно Главному Кавказскому и отстоитъ отъ него среднимъ числомъ верстъ на 30. Онъ представляется гигантскимъ валомъ, который простирается отъ ущелья В. Зеленчука до ущелья В. Лабы и имѣетъ въ длину, если за начало его принять вершину Хивчерцахро, а за конецъ западные отроги горы Чиликъ № 2, обрывающіеся къ долинѣ Лабы,—не менѣе 25 верстъ. Первая изъ названныхъ вершинъ его поднимается до высоты 10458 ф., а Чиликъ № 1—до 10626 ф.; приблизительно такой-же высоты достигаетъ Чиликъ № 2. Весь гребень Абишира-Ахуба не имѣетъ ни одной глубокой сѣдловины и ни одной вершины, которая-бы поднималась значительно выше прочихъ точекъ гребня. Такимъ образомъ, высота его на всемъ протяженіи хребта очень однообразна и мало уступаетъ высотѣ отдѣльныхъ вершинъ. На Абишира-Ахуба есть только два перевала: одинъ въ восточной части, гдѣ дорога изъ долины Иркыза проходитъ на хребетъ Эхреску и дальше тянется между Зеленчукомъ и Кяфаромъ, а другой—въ самой западной части хребта. Онъ извѣстенъ подъ именемъ Чилика. Оба перевала очень высоки (около 10000 ф.). Вдоль всей южной подошвы хребта течетъ Иркызь (Реченета), вытекающій изъ-

подъ перевала Чиликъ, съ сѣвернаго-же склона его получаютъ начало Агурь, или, какъ его называютъ обыкновенно, Кыфарь-Агурь, Хлызынчикъ, Чиликъ и нѣсколько рѣчекъ, направляющихся въ Урупъ. Вблизи вершины Хызторцахро Абишира-Ахуба поворачиваетъ на С.-В. и подъ именемъ Эхреску и Миценга продолжается еще почти на 20 верстѣ, отдѣляя долину Б. Зеленчука отъ долины Кыфарь-Агура и Кыфара. Когда я взобрался на самый гребень хребта, то меня поразило крайнее несходство сѣвернаго и южнаго склоновъ его. Южный склонъ, по которому мы поднялись на гребень, хотя и очень крутъ, но представляетъ въ общемъ довольно однообразную поверхность. Онъ нигдѣ не пересѣкается глубокими балками или ущельями и совершенно лишенъ сильно выдающихся высокихъ обрывистыхъ скалъ. Внизу этотъ склонъ покрытъ лѣсомъ, хотя и не сплошнымъ; надъ нимъ располагается поднимающаяся очень круто, но также мало избородженая зона горныхъ луговъ; еще выше тянутся осыпи и, наконецъ, скалы, составляющія гребень хребта. Во многихъ мѣстахъ и этотъ гребень состоитъ изъ вывѣтрившихся, распавшихся горныхъ породъ, незамѣтно переходящихъ въ осыпи, лежащія на склонахъ хребта. По всему замѣтно, что южный склонъ Абишира-Ахуба мало подвергался и подвергается теперь размыву или эрозіи, причину чего надо искать въ маломъ сравнительно количествѣ атмосферныхъ осадковъ, выпадающихъ на немъ въ видѣ дождя и снѣга. Въ самомъ дѣлѣ, весь южный склонъ питаетъ только одну небольшую рѣчку, Иркызь, въ которую не стекаетъ съ Абишира-Ахуба ни одного болѣе или менѣе многоводнаго горнаго потока, а лишь небольшіе ручьи, получающіе начало изъ родниковъ въ нижнемъ или среднемъ поясѣ хребта. Кромѣ того, на всемъ южномъ склонѣ нѣтъ ни одного озерца, которыми, какъ мы увидимъ сейчасъ, устья весь сѣверный склонъ. О полномъ отсутствіи сколько-нибудь значительныхъ снѣжныхъ полей на южномъ склонѣ уже было сказано.

Совершенною противоположною представляеть сѣверный склонъ Абишира-Ахуба. Онъ изрытъ и избородженъ до невозможности. Глубокія балки, ущелья, кручи, обрывы и высокія скалы встрѣчаются на всемъ его протяженіи какъ въ длину, такъ и въ вертикальномъ направленіи. Снѣговъ здѣсь тоже несравненно больше, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ они обледенѣли и превратились въ фирнъ-глетчеры. Ниже ихъ

лежать во многих мѣстахъ маленькія, но очень красивыя альпійскія озера. Эти послѣднія, а также снѣга даютъ начало цѣлому ряду рѣчекъ (Кяфаръ-Агуръ, Хызинчикъ и т. д.), которыя текутъ очень быстро, довольно многоводны и уносятъ съ Абишира-Ахуба, можетъ быть, въ 8—10 разъ большее количество воды, чѣмъ Иркъзъ.

Только-что указанное различіе между сѣвернымъ и южнымъ склонами Абишира-Ахуба нужно приписать, конечно, значительному различію въ количествѣ атмосферныхъ осадковъ, выпадающихъ на томъ и другомъ склонѣ. Здѣсь, слѣдовательно, мы встрѣчаемся съ тою-же особенностью въ распредѣленіи ихъ, какъ вблизи Владикавказа, Алагира и во многихъ другихъ мѣстахъ Сѣвернаго Кавказа, гдѣ на первыхъ уступахъ горъ, обращенныхъ къ равнинамъ и предгорьямъ, выпадаетъ значительно большее количество атмосферныхъ осадковъ, чѣмъ въ защищенныхъ отъ влажныхъ вѣтровъ ущельяхъ и котловинахъ внутри горъ. Читателю, можетъ быть, извѣстно, что въ то время, когда во Владикавказѣ или Алагирѣ въ июлѣ и первой половинѣ іюли идутъ почти ежедневные дожди, въ горахъ Осетіи или на военно-грузинской дорогѣ верѣдко стоитъ засуха и выгораютъ хлѣбъ. То-же самое я наблюдалъ много разъ около Псебая, гдѣ часто идутъ гораздо болѣе обильные дожди, чѣмъ въ глубинѣ горъ. Что касается Абишира-Ахуба, то сѣверный склонъ его болѣе или менѣе открытъ для вѣтровъ, дующихъ съ равнинъ; поэтому теплый и до известной степени влажный воздухъ, приносимый ими, при подъемѣ на высокій хребетъ долженъ охладиться и выдѣлять значительную часть заключающейся въ немъ влаги на сѣверномъ склонѣ хребта. Что-же касается очень влажныхъ, дующихъ съ Чернаго моря южныхъ вѣтровъ, то они, прежде чѣмъ достигнуть Абишира-Ахуба, должны встрѣтить еще болѣе высокій Главный Кавказскій хребетъ и на его сѣжныхъ вершинахъ оставить большую часть своихъ паровъ. Такимъ образомъ, на южный склонъ Абишира-Ахуба какъ съ той, такъ и съ другой стороны долженъ приноситься воздухъ, уже обездоленный парами воды.

Возвращаясь теперь къ прерванному разсказу о нашемъ путешествіи. Скалы, гдѣ мы взобрались на гребень Абишира-Ахуба, отстоятъ верстъ на 5 къ западу отъ вершины Хизчернахро и находятся противъ того мѣста, гдѣ получаетъ свое начало средний изъ трехъ истоковъ Кяфаръ-Агура. На гребнѣ этого высокаго хребта почти всегда дуетъ болѣе или

менше сильный вѣтеръ; это-же было и сегодня, когда мы взошли на него. Странно вепотѣвши за время полуторачасоваго подъема по кручамъ и особенно осыпямъ, я не могъ остаться на гребнѣ болѣе 10—15 минутъ и принужденъ былъ искать спасенія отъ вѣтра подъ защитою одной скалы, закрывавшей насъ съ юга и не мѣшавшей смотрѣть на сѣверъ; поэтому мы успѣли подѣ скалой и прицѣпились усердно обозрѣвать въ бинокль кручи и косогоры, надѣясь увидѣть гдѣ-нибудь туровъ или сернѣ. Всѣ наши старанія оказались, однако, тщетными.

Сѣверный склонъ здѣсь такъ крутъ и пересѣкается множествомъ такихъ обрывистыхъ скалъ, что спуститься съ него можно только съ большимъ трудомъ. Отдохнувши немного, мы отправились вдоль гребня дальше, на западъ, при чемъ я полѣзъ по самому гребню хребта, а мой проводникъ нѣсколько ниже, по сѣверному склону его. Въ верстѣ отсюда, въ одной сѣдловинѣ, мы должны было снова сойтись. Я пробрался туда довольно быстро, но долго не могъ дожидаться своего проводника. Наконецъ онъ явился и притомъ съ той-же стороны, откуда пришелъ я. Оказалось, что на сѣверной сторонѣ гребня скалы были такъ круты, что перебраться черезъ нихъ было невозможно. Вскорѣ мы снова нашли затишекъ, успѣли въ немъ и привялись разсматривать скалы; но и на этотъ разъ никакой дичи не увидѣли, несмотря на то, что мѣста здѣсь были очень удобныя для сернѣ и туровъ. Это опечалило меня и сильно смутило моего проводника. Два года тому назадъ онъ былъ въ верховьяхъ Кыфарь-Агура съ кв. Демидовымъ и Литльделемъ и находилъ съ ними очень много дичи. Кромѣ того, за два дня до нашего прїѣзда сюда онъ говорилъ, что лучшей охоты, какъ на Кыфарь-Агурѣ, трудно найти, и что, если-бы здѣсь не оказалось дичи, то онъ и не зналъ бы, гдѣ искать ее. Онъ показывалъ мнѣ здѣсь-же мѣсто, на которомъ Литльдаль убилъ молодого тура, потомъ стараго, а также мѣста, гдѣ убилъ медвѣдя, гдѣ видѣлъ цѣлый табунъ сернѣ и не хотѣлъ стрѣлять по нимъ и г. д. Но все это было хотя и очень недавно, но не теперь!

Послѣ такого разочарованія мы пошли еще дальше вдоль гребня хребта и добрались до слѣдующей неглубокой сѣдловины. Здѣсь тянулась на сѣверъ довольно пологая балка, по которой безъ труда можно было-бы пройти далеко внизъ. На днѣ этой балки лежало чудное озерцо съ темно-зеленою водою. Оно имѣло почти круглую форму и въ по-

перечникъ приблизительно $\frac{1}{2}$ версты или нѣсколько больше. Около него располагалось довольно большое обледѣвшее сибирское поле. Изъ этого озерца вытекаетъ небольшая рѣчка, направляющаяся въ одинъ изъ истоковъ Кифаръ-Агура. Значительно дальше блестяло еще другое подобное-же озеро.

Насмотрѣвшись вдоволь на эти красивыя мѣста, мы еще разъ попытались тщательно осмотрѣть въ бинокль окружающія насъ горы, но и здѣсь не замѣтили никакой дичи. Мой проводникъ показалъ, однако, мнѣ и въ этой долинь мѣсто, гдѣ Демидовъ стрѣлялъ по турмамъ два года тому назадъ. Замѣчательно, что ни на сибирю, ни на осыпяхъ не было замѣтно даже и слѣдовъ звѣрей. Отсутствие ихъ и на этихъ прекрасныхъ мѣстахъ, на которыя не заходятъ, къ тому-же, пастухи-горцы съ своими стадами, совсѣмъ озадачило моего проводника, и онъ не зналъ, чему приписать это обстоятельство.

Пройдя еще съ версту вдоль хребта, мы часа за полтора до захода солнца рѣшили отправиться къ своей стоянкѣ. Намъ надо было теперь совершить спускъ не менѣе, какъ въ 4000 ф. Онъ показался мнѣ безконечнымъ. Версты двѣ мы шли по осыпямъ, въ которыя ноги погружались болѣе, чѣмъ на $\frac{1}{4}$ аршина. Кромѣ того, осыпи были такъ круты, что тысячи камней, сдвинутыхъ съ своего мѣста нашими ногами, со стукомъ и грохотомъ летѣли внизъ, опережая насъ на цѣлую сотню саженей. Мы должны были идти здѣсь рядомъ, другъ около друга, чтобы не угрожать одинъ другому этимъ каменнымъ градомъ. Когда осыпи кончились, начались альпійскіе луга, но такіе крутые, что и по нимъ спускаться было очень неприятно. Въ сумерки мы добрались до безрешаго лѣса, а когда уже стемнѣло,—до своей стоянки.

Снова взбираться на слѣдующій день на Абишира-Ахуба у меня не было охоты, да, кромѣ того, это было-бы и нѣсколько утомительно для ногъ, которыя съ дѣта прошлаго года не подвергались ни разу такому испытанію. По этой причинѣ я рѣшилъ проѣхать сначала по долинь Ирлыза и осмотрѣть долину Дукуа *), единственнаго, если не считать мелкихъ ручьевъ, притока названной рѣчки. Мнѣ хотѣлось осмотрѣть лѣса этихъ мѣсть и, главнымъ образомъ, узнать, вѣтъ-ли здѣсь какихъ-нибудь слѣдовъ пребыванія зубровъ. После этого я предполагалъ снова возвратиться въ подножье

*) Рѣчка эта на пятиверстной картѣ оставлена безъ названія.

Абишира-Ахуба и еще раз или два побывать на вершинах его.

Дукуа получает начало не из Главного хребта, а из его отроговъ, отблвляющих истоки Зеленичука от истоковъ Лабы, имѣеть всего лишь около 10 верстъ въ длину и впадаетъ въ Иркызь съ правой стороны. Вытекаетъ она изъ горъ тремя главными истоками: восточный изъ нихъ самый короткій, западный значительно больше и средний—самый большой. Къ верховьямъ послѣдняго мнѣ и хотѣлось обратиться. Онъ отдѣляется отъ восточнаго истока довольно высокой, вверху скалистой горой, почти сплошь покрытой березняками и зарослями рододендроновъ. Отъ нашей стоянки мы должны были спуститься къ Иркызу, переѣхать черезъ него и затѣмъ продолжать путь по долине Дукуа. Она также покрыта довольно порядочнымъ лѣсомъ, который на правой, болѣе тѣнистой сторонѣ состоитъ преимущественно изъ березы, а на лѣвой—изъ сосновыхъ посадженій. Верстахъ въ пяти выше впаденія въ Иркызь долина Дукуа развѣтвляется на три упомянутыхъ уже долины, и здѣсь кончается крупный лѣсъ, покрывающій всю нижнюю часть ея. Пробѣжавъ отъ этого мѣста еще версты четыре, мы остановились почти у самыхъ верховьевъ средняго истока, который представляетъ рѣчку небольшихъ размѣровъ, текущую въ глубокой долинѣ. Ниже этого мѣста Дукуа образуетъ нѣсколько водоемовъ, глубиною аршина въ полтора или два, съ медленно текущей и такой прозрачной водой, сквозь которую видны самые мелкіе предметы, лежащіе на днѣ. Здѣсь мы останавливались на нѣкоторое время и долго любовались множествомъ сновавшихъ взадъ и впередъ огромныхъ форелей.

Наша новая стоянка находилась у самаго берега рѣчки, на высотѣ 6560 футовъ надъ уровнемъ моря. Лѣвый склонъ долины и здѣсь покрытъ рѣдкимъ лѣсомъ, а правый—сплошнымъ березнякомъ и густѣйшими зарослями рододендроновъ. Въ углубленіи одной скалы, возвышавшейся среди рододендроновъ, мы замѣтили со своей стоянки серну. Она покойно лежала и, очевидно, наблюдала за нами, когда мы развѣдывали своихъ лошадей, разбивали палатку и раскладывали вещи. До нея было немного болѣе полуверсты, но подойти къ ней на выстрѣлъ было невозможно.—поэтому мы оставили ее въ покоѣ.

Послѣ полудня я съ однимъ изъ нашихъ проводниковъ

отправился на скалы къ самымъ истокамъ Дукуа. Около часа мы лѣзли по двѣ долины, то прыгая съ камня на камень, то пробираясь черезъ густыя заросли рододендроновъ. Пройдя такимъ образомъ версты двѣ, мы выбрались на болѣе открытое мѣсто, гдѣ выдающимся съ юга на сѣверъ мысомъ истоки Дукуа раздѣляются на двѣ котловины. И отправился сначала въ западную, которая огравивается съ запада возвышающимся надъ долиною Лабы хребтомъ Ахуханара. Она окружена со всѣхъ сторонъ, кромѣ сѣверо-восточной, амфитеатромъ высокихъ черныхъ скалъ, на которыхъ лежатъ во многихъ мѣстахъ полосы и пятна снѣга. Ни глетчеровъ, ни большихъ снѣжныхъ полей здѣсь нѣтъ вовсе, но на самомъ двѣ котловинѣ оказалось чудное альпійское озеро съ той необыкновенно прозрачной темно-зеленой водой, какой отличаются всѣ вообще озера большихъ высотъ. Другая котловина во всѣхъ отношеніяхъ напоминаетъ первую, но замѣтно длиннѣе ея. За позднимъ временемъ я не успѣлъ ее хорошо осмотрѣть, но и въ ней увидѣлъ такое-же озеро, какъ и въ первой. Ниже скалъ въ обѣихъ котловинахъ растутъ рододендроны (*Rhododendron caucasicum* L.). Нивакихъ евреевъ мы здѣсь не встрѣтили. Это объясняется тѣмъ, что въ верховьяхъ Дукуа на всѣхъ удобныхъ для пастбы скота склонахъ горъ паслись уже стада овецъ.

Обратный путь въ подножью Абишира-Ахуба мы совершили по другой дорогѣ—черезъ третій истокъ Дукуа и дальше по водораздѣлу между Зеленчукомъ и Большой Лабой, или, точнѣе говоря, между истоками Иркыза (Реченсты) и Ихія, впадающей въ Лабу. Проѣхавъ версты три внизъ по долину среднего истока Дукуа, мы повернули вправо, поднялись на хребетъ, возвышающійся надъ послѣднимъ, самымъ западнымъ истокомъ Дукуа, и здѣсь вблизи одного кабардинскаго коша *) сдѣлали привалъ. Желая лучше ознакомиться съ этими мѣстами, я предпринялъ и отсюда небольшую экскурсію на соседній хребетъ, идущій по-надъ долиною В. Лабы, но ничего особеннаго не нашелъ.

Дальше наша дорога, перестѣкая нѣсколько болѣе или менѣе глубокихъ балокъ, поросшихъ лѣсомъ, поднималась все выше и выше и выходила, наконецъ, на водораздѣлъ между Иркызомъ и Ихія. Водораздѣлъ этотъ вообще не высокъ и образуетъ нѣсколько неглубокихъ съдловищъ. На

*1 Стоянка пастуховъ.

немъ, или, по крайней мѣрѣ, по сторонамъ его вездѣ растутъ лѣса. Противъ главнаго истока Пхія высота водораздѣла, вѣроятно, не болѣе 6 или 6½ тысячъ футовъ. Здѣсь лѣса Иркыза и дремучіе лѣса Лабы почти сходятся другъ съ другомъ, и это мѣсто представляетъ самый удобный и низкій пунктъ, гдѣ зубры могли перекочевывать съ верховьевъ Лабы на Иркызу. Съ этого водораздѣла открываются превосходныя картины на всѣ четыре стороны. Прекрасно видна отсюда величественная стѣна Абишира-Ахуба, скалистый Чиликъ, бѣлоснѣжныя пирамиды Главнаго Кавказскаго хребта, сплошь покрытая зеленью долина Иркыза, чудные, дѣвственные, темнозеленыя пихтовые лѣса долины Пхія и, наконецъ, далеко-далеко внизу еще болѣе замѣчательныя лѣса долины Загдань *).

Съ водораздѣла дорога поворачиваетъ вправо, довольно долго тянется по крутымъ косогорамъ, обходя множество балокъ, направляющихся къ Иркызу и, наконецъ, спускается къ главному истоку его, названному на картахъ Кавказа Реченстой. Мы выбрали для стоянки мѣсто на лѣвомъ берегу рѣчки и верстахъ въ 4 ниже ея истоковъ, на высотѣ 7050 ф. надъ ур. моря. Реченста представляется здѣсь уже совсѣмъ небольшимъ горнымъ потокомъ, имѣющимъ всего лишь 5—7 аршинъ въ ширину. Около нашей стоянки по долинѣ росло довольно много березы, но выше эта долина становится уже совершенно безлѣсной.

Слѣдующій день я рѣшилъ снова посвятить восхожденію на Абишира-Ахуба и осмотру западной части его. Для этой цѣли я и мои проводники встали еще до свѣта, наскоро закусили и въ четвертомъ часу утра уже отправились въ путь. Болѣе половины подъема я и одинъ изъ моихъ проводниковъ проѣхали верхами, дѣлая по причинѣ страшной крутизны подъема безконечное число зигзаговъ то въ ту, то въ другую сторону. Такъ мы поднимались полтора часа, да послѣ этого карабкались пѣшкомъ еще цѣлѣй часъ на крутую, какъ стѣна, гору. Къ нашей радости, здѣсь совсѣмъ не было осыпей, и весь склонъ хребта, за исключеніемъ только самой верхней части его, представлялъ сплошной альпійскій лугъ, щедро украшенный природой безчисленнымъ множествомъ различныхъ альпійскихъ цвѣтовъ. Такого изобилія незабудокъ, какъ въ этихъ мѣстахъ, я нигдѣ не видѣлъ. Отъ нихъ многіе

* Вѣ этой долинѣ течетъ Б. Лаба.

косогоры казались совершенно голубыми. Кроме того, незабудки росли такими пышными кустами, что, сорвав 4—5 штук ихъ, можно было составить цѣлый букетъ. Рядомъ съ незабудками встрѣчаются красивѣе *Daphne glomerata*, *Betonica grandiflora*, *Veronica*, *Aquilegia*, *Gentiana*, *Geranium*, *Polygonum bistorta*, *Centaurea* и т. д. Лѣсовъ на всемъ протяженіи этого склона нѣтъ вовсе.

Въ питомъ часу утра, когда мы сѣзли съ лошадей, чтобы продолжать путь пѣшкомъ, угрюмыя, покрытыя снѣгомъ далекія горы, имѣвшія какой-то особенный, холодный, синевато-сѣрый оттѣнокъ, вдругъ начали какъ-будто-бы одна за другой загораться пѣжными блѣднорозовымъ пламенемъ. Съ каждой минутою это пламя или этотъ свѣтъ спускался ниже и ниже, захватывая все большее и большее пространство — сначала загорѣлись острые зубцы Кацшинстры, потомъ Пешажъ, горы въ верховьяхъ Софія, а затѣмъ уже многія другія. Величественная панорама горъ какъ-будто-бы сразу ожила и облеклась въ веселый, блестящій праздничный нарядъ. Видъ съ Абишира-Ахуба на Главный Кавказскій хребетъ представляетъ замѣчательную картину, несомнѣнно, одну изъ самыхъ прелестныхъ въ Кубанской области, и вызываетъ какое-то особенное восторженное настроеніе.

Когда мы взошли на самый гребень Абишира-Ахуба и взглянули на противоположный, т. е. сѣверный склонъ его, то увидѣли здѣсь, какъ и на восточной части хребта, гдѣ мы поднимались первый разъ, также цѣлый лабиринтъ обрывовъ, кручъ, скалъ и пропастей; только снѣга въ этихъ мѣстахъ оказалось значительно больше. Кроме того, въ полуверстѣ отъ насъ былъ виденъ небольшой фирнъ-глетчеръ, а еще дальше около десятка различной формы и величины горныхъ озеръ. Одно изъ нихъ имѣло около полуверсты въ длину и ширину и на поверхности его плавала огромная, чуть не въ четверть всего озера, глыба льда, ссунувшаяся сюда, очевидно, съ сосѣдняго крутого склона горы. Большая часть этихъ озеръ была окружена пустынными осипями, и только въ немногихъ мѣстахъ около нихъ можно было видѣть небольшіе клочки земли, покрытые тонцею зеленой травой. Почти все эти озера находились на высотѣ приблизительно въ 9000 или 9500 ф. надъ уровнемъ моря и были наполнены такой-же прозрачной и необыкновенно темной, съ синезеленымъ оттѣнкомъ, водой, какъ все вообще высокогорныя озера. Сравнительно большое скопленіе снѣговъ и воды

объясняется существованіемъ въ этой части сѣвернаго склона Абишира-Ахуба довольно значительной котловины, ограниченной съ трехъ сторонъ горами. Въ нее должно наноситься зимою много снѣга вѣтрами, дующими съ равнинъ и предгорій. Изъ этихъ снѣговъ и озеръ получаетъ начало главный (западный) истокъ Кяфарь-Агура. Что касается геологическаго строенія, то гребень Абишира-Ахуба въ этой части состоитъ мѣстами только изъ асиднаго сланца, мѣстами-же изъ кремнистыхъ кристаллическихъ породъ — гранита и гнейса. На сѣверномъ склонѣ его также встрѣчаются почти исключительно только-что упомянутые минералы.

То мѣсто хребта, на которое мы взошли, отстоитъ отъ г. Чилика № 1 версты на три и имѣетъ высоту лишь немного меньшую, чѣмъ самъ Чиликъ (10626 фт.; отъ него мы стали пробираться по острому зубчатому гребню хребта къ востоку. Въ это время на сѣверной сторонѣ стоялъ рѣдкій туманъ. Когда мы проходили надъ однимъ снѣжнымъ полемъ, которое лежало у нашихъ ногъ, но футовъ на 500 ниже насъ, вдругъ сквозь туманъ я замѣтилъ на снѣгу нѣсколько быстро двигавшихся темныхъ предметовъ. Такъ какъ я и въ этотъ разъ поднимался на Абишира-Ахуба не безъ надежды поохотиться, то подъ влияніемъ настроеннаго извѣстнымъ образомъ воображенія принялъ движущіеся предметы за серны; когда-же туманъ немного разсѣялся, то мнимыя серны оказались небольшою стайкой горныхъ индѣекъ. Спускаться къ нимъ мнѣ не хотѣлось, да, къ тому-же, онѣ находились на среднѣ чистаго, ровнаго, довольно большого снѣжнаго поля, гдѣ подойти къ нимъ на выстрѣлъ было невозможно.

Послѣ этого мы прошли еще съ полверсты вдоль гребня хребта, потомъ повернули вправо, перешли черезъ нѣсколько длинныхъ, но не широкихъ снѣжныхъ полей и черезъ порядочное пространство, занятое осынями, попали на дно котловины, гдѣ располагалось нѣсколько маленькихъ альпійскихъ озеръ. Несмотря на красивый и своеобразный видъ, эти озера производили какое-то удручающее впечатлѣніе. Всѣ они лежатъ среди пустынныхъ осыней или дикихъ скалъ, имѣютъ каменистые берега и дно и совершенно лишены жизни. Ни рыбъ, ни птицъ, ни насекомыхъ, ни травы нѣтъ ни около нихъ, ни въ ихъ хрустальныхъ, чистыхъ, но холодныхъ, какъ ледъ, водахъ! Во многихъ мѣстахъ вокругъ нихъ лежатъ мелкій, рыхлый, сильно пропитанный водой щебень, въ которомъ нога человѣка тонетъ, вершка на

2 или на 3, и только кое-гдѣ можно видѣть небольшія пространства, на которыхъ растутъ мхи и лишайники, а на болѣе сильно освѣщенныхъ мѣстахъ еще сивенькія генціаны (*Gentiana pyrenaica*), *Saxifraga cartilaginea*, *Sax. muscoides*, *Sax. tridactylus*, *Dryas octopetala*, *Alsine imbricata* и нѣкоторые другія.

Перебравшись черезъ котловину, дно которой лежитъ футовъ на 600 ниже гребня Абишира-Ахуба, мы поднялись на противоположный склонъ ея, составленный краемомъ, который отдѣляетъ верховья Кяфарь-Агуръ отъ верховьевъ Хызынчика. Гребень этого хребта также состоитъ по преимуществу изъ аспиднаго сланца, который во многихъ мѣстахъ сильно вывѣтрися, разсыпался на мелкіе куски и превратился въ осыпи, простирающіяся на цѣлыя версты. По обѣимъ сторонамъ хребта тянутся глубокія ущелья, въ одномъ изъ которыхъ течетъ Кяфарь-Агуръ, а въ другомъ, Хызынчикъ, впадающій въ Чиликъ *). Часа два мы пролазали по этому высокому хребту, но за то имѣли все время передъ глазами чудныя картины; видѣли еще нѣсколько красивыхъ горныхъ озеръ, а все-таки не встрѣтили ни туровъ, ни серъ. Со мною ходили въ этотъ день два проводника и въ числѣ нихъ былъ Нагой Дауровъ, хорошій старый охотникъ. Онъ уговаривалъ меня пройти еще дальше и поискать туровъ, но самъ въ то-же время, не встрѣчая вовсе дичи въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ она прежде водилась постоянно, и не надѣясь найти ее, ворчалъ, бранился на своемъ кабардинскомъ языкѣ и плевалъ съ досады. Онъ говорилъ мнѣ неоднократно: „когда звѣря нѣтъ, сердце не играетъ, и ходить скучно“. Здѣсь онъ рѣшилъ окончательно, что звѣрей погубила необыкновенно продолжительная, снѣжная и страшно суровая зима 1897—98 годовъ, отъ которой погибло также много домашняго скота.

Проходивши еще часть-другой, мы увидѣли въ одномъ мѣстѣ, на страшной глубинѣ, пять штукъ серъ. Будь это туры, я полѣзъ-бы за ними, несмотря на то, что это стоило-бы мнѣ большихъ трудовъ, такъ какъ на возвратномъ пути пришлось-бы со дна пропасти снова взбираться на самый гребень Абишира-Ахуба и послѣ этого спуститься еще тысячи на три футовъ къ своей стоянкѣ; лѣзть-же за серъ

*) Чиликъ вмѣстѣ съ Кяфарь-Агуромъ образуетъ довольно большую рѣчку Кяфарь.

нами, которыхъ мнѣ приходилось стрѣлять каждое лѣто, и не хотѣлъ и рѣшился пройти вдоль крижа еще нѣкоторое разстояніе, потомъ повернуть на юго-востокъ и затѣмъ уже не торопясь подвигаться къ своей стоянкѣ. На возвратномъ пути намъ снова пришлось видѣть нѣсколько маленькихъ горныхъ озеръ, переходить черезъ довольно порядочныя снѣжныя поля и въ третій разъ побывать на гребнѣ Абишира-Ахуба.

Слѣдующій день былъ послѣднимъ днемъ нашего пребыванія на Абишира-Ахуба. Въ этотъ день мы хотѣли подняться вверхъ по Реченетѣ, перебраться черезъ очень высокій перевалъ Чиликъ, осмотрѣть окружающія его горы, спуститься внизъ и засвѣтло найти гдѣ-нибудь на сѣверномъ склонѣ хребта удобное для ночлега мѣсто.

Встали мы рано, но насъ очень опечалило затянутое тучами небо и густыя облака на всѣхъ высокихъ горахъ. Въ шестомъ часу, когда у насъ все уже было готово къ выступленію, небо стало еще темнѣе; то тамъ, то сямъ заблестали молніи, загрѣмѣлъ громъ, и грозное эхо начало перекатываться съ одной горы на другую. Еще нѣсколько времени спустя пошелъ дождь. Перебираться въ такую погоду черезъ перевалъ въ 10000 футовъ высокою было рискованно, поэтому приходилось ожидать, пока погода измѣнится къ лучшему. Надо еще замѣтить, что кабардинцы, которые пасли свой скотъ вблизи нашей стоянки, говорили намъ наханунѣ, что перебраться черезъ Чиликъ будетъ трудно, а, можетъ быть, даже невозможно, потому-что на самомъ перевалѣ, съ сѣверной стороны его, лежитъ много снѣга, и что этотъ затвердѣвшій снѣгъ образуетъ крутой откосъ, на которомъ лошадь легко можетъ поскользнуться, покатиться внизъ и разбиться вдребезги о скалы. Нагой Дауровъ, однако, утѣшалъ насъ, приводя какую-то кабардинскую пословицу, смыслъ которой таковъ, что дождь раннимъ утромъ долженъ считаться хорошимъ предзнаменованіемъ. Лично для него эта пословица оправдалась, если такъ можно выразиться, въ совершенно противоположномъ смыслѣ.

Въ 7 часовъ утра дождь, дѣйствительно, пересталъ, мы быстро навьючили на лошадей все наше имущество и двинулись въ путь. Дорогою, однако, дождь еще разъ помочилъ насъ, но затѣмъ погода исправилась совершенно. Мы уже мечтали о томъ, какъ пріятно будетъ намъ перебираться черезъ Чиликъ, если только не помѣшаютъ снѣга, но въ это

время, какъ нарочно, случилось одно печальное происшествіе, омрачившее наше хорошее настроеніе. Проѣхавъ версты три и поровнявшись съ однимъ кабардинскіимъ кошемъ, мы, по предложенію Нагоя, остановились, чтобы наняться аярана*), и попросили мальчика-пастуха принести намъ его. Я и мой спутникъ С. О. Д., не слезая съ лошадей, выпили изъ большой деревянной чашки хорошую порцію этого пріятнаго освежающаго напитка и поѣхали дальше; но, когда мальчикъ подошелъ къ Нагою и хотѣлъ передать ему чашку, молодая, совсѣмъ невыѣзженная лошадь, на которой Нагою вовсе не слѣдовало-бы ѣхать въ горы, испугалась и начала бить задомъ. Нагою въ это время нѣсколько разъ ударился о луку сѣдла и затѣмъ спрыгнулъ съ лошади. Мы ничего этого не видѣли и узнали объ этомъ отъ догнавшаго насъ пастушечка. Возвратившись на кошъ, я и мой спутникъ привалились осматривать Нагоя и убѣдились, что кости его цѣлы, что онъ ушибъ сильно только мягкія части и можетъ ходить, но ѣхать ему дальше съ нами невозможно; поэтому мы согласились на его просьбу—оставить его до выздоровленія на кошѣ и тотчасъ-же послать за его сыномъ, который живетъ на другомъ кошѣ и всего лишь въ 10 верстахъ отсюда. Черезъ нѣсколько минутъ одинъ изъ нашихъ проводниковъ отправился за сыномъ Нагоя, а пастушенокъ за его пріятелемъ, жившимъ еще ближе, мы-же въ это время принялись прикладывать къ ушибленнымъ мѣстамъ больного холодныя компрессы. Пріѣхавшіе вскорѣ два кабардинца, а также наши проводники, которые полжизни провели на лошади и не одинъ десятокъ разъ падали съ нея, также нашли положеніе Нагоя вовсе не опаснымъ. Не обладая специальными медицинскими познаніями и не имѣя при себѣ почти никакихъ лѣкарствъ, мы не могли оказать Нагою существенной пользы,— поэтому, снабдивъ его всѣмъ необходимымъ, отправились дальше по намѣченному пути къ станицѣ Сторожевой, чтобы отсюда скорѣе дать знать о случившемся роднымъ Нагоя.

Дальнѣйшій путь нашъ тянулся на сѣверо-западъ по безлѣсной долинѣ Реченсты, окруженной съ обѣихъ сторонъ высокими горами, которыя поднимаются тысячъ до десяти футовъ. Въ верховьяхъ Реченсты сѣбга почти нѣтъ, и рѣчка образуется изъ слиянія нѣсколькихъ небольшихъ ручьевъ,

*) Особеннымъ образомъ приготовленное кислое молоко или простокваша.

получающихъ начало главнымъ образомъ изъ родниковъ. Въ этомъ мѣстѣ наша тропинка повернула направо, на сѣверъ, и визагами начала подниматься выше и выше на перевалъ Чиликъ. Она тянулась по болѣе или менѣе открытой мѣстности, притомъ вначалѣ по горнымъ дугамъ, а дальше черезъ широкій поясъ шиферныхъ осыпей. Внизу подъемъ былъ болѣе или менѣе пологимъ; а подъ конецъ сдѣлался настолько крутымъ, что мы принуждены были слѣзть съ лошадей и карабкаться пѣшкомъ по узкой, едва замѣтной на осыпяхъ тропинкѣ. Лѣзть на гору намъ пришлось очень долго, но за то съ каждымъ шагомъ передъ нашими глазами открывались все лучшія и лучшія картины. Наконецъ мы преодолѣли послѣдній уступъ и очутились на самомъ перевалѣ. Онъ представляетъ сѣдловину, съ правой стороны которой тотчасъ за тропинкой поднимается къ небу заостренная скала въ нѣсколько сотъ футовъ вышиною; другая подобная-же ей находится нѣскольво отъ сѣдловины, но нѣсколько дальше. Отъ этой послѣдней тянется на сѣверъ длинный и очень высокій кряжъ, окаймляющій съ западной стороны долину Чилика и отдѣляющій ее отъ истоковъ Урупа. Оба утеса, возвышающіеся по сторонамъ перевала, состоятъ изъ шиферныхъ глыбъ и окружены снизу шиферными-же осыпями, совершенно лишенными растительности. Мой анероидъ показывалъ здѣсь 3027 метровъ (9930 ф.).

Видъ, который открывается съ перевала на южную сторону, описать невозможно: это выше человѣческихъ силъ. Отсюда былъ виденъ на первомъ планѣ хребетъ, возвышающійся по правой сторонѣ Речепеты и отдѣляющій ее отъ долины Пхія. Онъ довольно высокъ и уже разрисованъ узкими извилистыми лентами и полосами снѣга. За нимъ тянутся лѣсистыя горы, а еще дальше Главный Кавказскій хребетъ. Послѣдній открытъ для глазъ на протяженіи нѣсколькихъ десятковъ верстъ и состоитъ изъ черныхъ зубчатыхъ скалъ, щедро украшенныхъ блестящими, какъ серебро, снѣжными полями, которыя съ поразительной отчетливостью выступаютъ на темно-голубомъ небѣ и черпомъ фонѣ скалъ. Главный Кавказскій хребетъ представляетъ главную прелесть этой дивной картины. Кромѣ того съ перевала видна вся долина Пркыза съ ея чудными темнозелеными пихтовыми лѣсами, долина р. Софія и всѣ вообще горы, окружающія верховья Зеленчука. Видъ на сѣверную сторону въ ущелье Чилика и

на хребет Чаналь также очень красивъ, но его нельзя и сравнить съ только-что описаннымъ.

• На перевалѣ мы пробыли около полчаса, а затѣмъ начали спускаться внизъ, въ ущелье Чилика. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ перевала мы встрѣтили то самое довольно большое спѣжное поле, о которомъ намъ уже говорили. Оно представляло, действительно, настолько крутой откосъ, что идти по нему, а въ особенности вести лошадей очень опасно; но, къ нашей радости, въ верхней части своей это поле успѣло уже настолько стаять, что тропинка захватывала его лишь на протяженіи нѣсколькихъ саженей. Здѣсь мы частью раскопали спѣгъ, частью утоптали его ногами и такимъ образомъ благополучно прошли сами и провели своихъ лошадей.

Дальнѣйшій путь былъ вовсе не опасенъ, но утомителенъ по своей крутизнѣ. Спускаясь съ перевала, я держалъ въ рукахъ свой анероидъ и слѣдилъ за движеніемъ стрѣлки его. Она двигалась по временамъ быстрѣе минутной стрѣлки обыкновенныхъ часовъ. Въ минералогическомъ отношеніи перевалъ Чиликъ ничего особеннаго не представляетъ. Изъ горныхъ породъ здѣсь первое мѣсто занимаетъ шиферъ. Къ нему прибъживается также хлорито-талковый сланецъ и изрѣдка кварцъ и известковый шпатель. Футовъ на тысячу ниже перевала и вправо отъ тропы находится очень красивое темно-зеленое, почти круглое озеро. Оно имѣетъ саженей 100 въ діаметрѣ и лежитъ въ довольно глубокой, покрайней зеленю котловинѣ. Выше озера мѣстность имѣетъ очень дикій характеръ, представляя цѣлый лабиринтъ глубокихъ обрывистыхъ скалъ, базокъ и осмелей. Уже вечеромъ добрались мы до лѣса, отыскали болѣе или менѣе ровное мѣсто на берегу Чилика на высотѣ 6½ тысячь футовъ надъ ур. моря и расположились здѣсь на почлегъ.

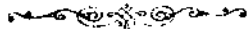
На слѣдующее утро намъ надо было проѣхать нѣсколько верстъ по очень крутому косогору лѣваго склона долины Чилика, потомъ подняться на хребетъ, который тянется между истоками Уруа и долиною Чилика и, наконецъ, выѣхать на Чаналь. Притуленная, покрытая сочной травой вершина его представляетъ широкую поляну, которая простирается въ длину верстъ на 15; на югъ она обрывается поросшими лѣсомъ скалистыми уступами къ узкому, глубокому ущелью Чилика, а на сѣверъ спускается болѣе полого къ верховьямъ многочисленныхъ притоковъ Уруа и Вилгона. Мѣстность тутъ имѣетъ уже иной видъ: въ ней нѣтъ ни

вѣчныхъ снѣговъ, ни пустынныхъ осиней, ни утопающихъ въ небѣ крутыхъ скалъ, ни странныхъ проластей, гдѣ каждый неосторожный шагъ грозитъ смертью. Здѣсь, наоборотъ, всюду видны мшица, пѣвныя, ласкающія взоръ картины. Особенно красивъ видъ съ Чапала на покрытыя почти сплошными лѣсами глубокія долины и ущелья истоковъ Урупа. Къ сожалѣнію, однако, мы не долго могли любоваться этими чудными картинами, такъ какъ болѣе половины всего протяженія Чапала ѣхали въ такомъ густомъ туманѣ, какой бываетъ только на болѣе или менѣе высокихъ горахъ.

Во второмъ часу мы сдѣлали привалъ въблизи одного родника, чтобы закусить самимъ и покормить лошадей. Отъ этого мѣста дорога начала уже быстро спускаться, стало замѣтно теплѣе, туманъ порѣдѣлъ, сквозь синеватую дымку его вкормѣ показались знакомыя уже намъ горы около Зеленчукской и Сторожевой станицъ; но въ это-же время насъ окружили такія тучи оводовъ и слѣпней, что мы должны были ѣхать съ вѣшниками въ рукахъ и не переставая отмахиваться ими отъ этихъ назойливыхъ и очень больно кусающихся тварей. При закатѣ солнца мы были уже въблизи Сторожевой станицы. Здѣсь и расстался съ своимъ спутникомъ, отправившимся въ Терекскую область, и съ однимъ изъ нашихъ проводниковъ расположился почевать недалеко отъ небольшой рѣчки, впадающей въ Бидгонь. Несмотря на зашиты палатки, насъ тутъ чуть не съѣли комары. Въблизи этого мѣста, какъ мы убѣдились на слѣдующее утро, болота, покрытыя густой травой и подобныя тѣмъ, которыя были описаны въ началѣ статьи, тянутся на цѣлыя версты. Въ нихъ, когда мы ѣхали къ Преградной, нѣсколько разъ едва не загрузили наши лошади.

Скажу въ заключеніе нѣсколько словъ по поводу вопроса, главнымъ образомъ побудившаго меня къ поѣздкѣ въ верховья Зеленчука: это вопросъ о зубрахъ *). Какъ мои личныя наблюденія, такъ и разпросы у многихъ охотниковъ и полѣсовщиковъ убѣдили меня, что, несмотря на утвержденія нѣкоторыхъ современныхъ авторовъ, зубры въ настоящее время ни въ верховьяхъ Б. Зеленчука, ни въ верховьяхъ Урупа не встрѣчаются вовсе. То-же могу сказать и о долиніи Маруха и Аксаута, которыя я посѣтилъ раньше. Верховья Зеленчука, а въ особенности долина Иркыза, представляютъ большія удобства для жизни зубровъ, но они покинули эти мѣста дѣтъ 35—40 тому назадъ. Вѣроятно, ихъ вытѣснила

отсюда рубка леса и пастухи-горцы со своей барантой и табунами. Въ верховьяхъ Уруна, покрытыхъ обширными сплошными лесами, зубры держались сравнительно долго, именно до начала или даже до середины восьмидесятыхъ годовъ. Еще дальше къ западу мы встречаемъ уже мѣста, гдѣ зубры живутъ и въ настоящее время. Путешествуя въ верховьяхъ Лабы въ срединѣ 80-хъ годовъ, я видѣлъ очень много зубровыхъ тропъ, свѣжіе слѣды ихъ и даже живыхъ зубровъ, но теперь и эти мѣста посѣщаются зубрами только по временамъ. Гораздо чаще они встречаются по долинамъ и некоторыхъ притоковъ М. Лабы, напр., по Алоусу, Мастакану (Местыкъ) и въ особенности по Уруштену, но еще больше зубровъ живетъ въ долинахъ и ущельяхъ многочисленныхъ истоковъ р. Вѣдой, въ мѣстности совершенно безлюдной и покрытой дремучими лесами. Дальше къ западу, именно въ верховьяхъ Пшехи зубры уже не встречаются. Такимъ образомъ, мы видимъ, что область распространѣнія ихъ за послѣднія 30—40 лѣтъ сильно сѣзвилась и именно съ восточной стороны.

*) Большея подробности о распространѣніи кавказскаго зубра читатель можетъ найти въ моей статьѣ „Нѣсколько словъ о кавказскомъ зубрѣ“, помѣщенной въ журналѣ „Естественное и Географіа“ 1899 года, кн. 2-я.